

18+

Иллюстрация: Саміла Квінтеро Франсо

Клава Дырда

ИСТЕРИЯ

Клава Дырда

Истерия

«Издательские решения»

Дырда К.

Истерия / К. Дырда — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504519-5

Может ли с виду обычная картина, написанная душевнобольным человеком, лишить рассудка того, кто внимательно на нее посмотрит? «Конечно, нет», — с уверенностью думала молодой врач Маргарита Стронгина, пока сама не оказалась в психиатрической лечебнице с диагнозом «острый психоз». Всего за два месяца из уверенной в себе женщины, увлеченно выстраивающей карьеру, она превратилась в пугающуюся собственных теней пациентку. И причиной тому стал нарисованный безумным автором человек-кит. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-504519-5

© Дырда К.
© Издательские решения

Истерия

Клава Дырда

© Клава Дырда, 2019

ISBN 978-5-0050-4519-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В пустом коридоре больницы гулко отдавался стук каблуков. Шаги были четкими и уверенными. Дойдя до стола регистратуры, молодая женщина в белом халате остановилась и с высокомерной серьезностью посмотрела на двух медсестер, одной из которых по виду было уже за шестьдесят.

– Таня, доброе утро. Как наша пациентка себя чувствует? – немного строго спросила женщина у медсестры в возрасте.

– Доброе утро, Маргарита Александровна, – хмуро отозвалась та. – Все хорошо, Лиза чувствует себя нормально.

– Как она спала?

– Как обычно, крики, слезы, сопли. Обмочилась, пришлось матрас менять.

– Спасибо за информацию, – женщина жеманно улыбнулась, убрала за ухо прядь вьющихся светлых волос и прошла по коридору из приемного покоя в лечебное отделение, чтобы навестить свою пациентку.

Девятнадцатилетняя Елизавета Михайлова находилась под постоянным наблюдением уже около месяца. Ее недуг заметно прогрессировал, заставляя лечащего молодого врача все больше раздражаться из-за профессиональной неудачи. У Маргариты Стронгиной, с отличием закончившей одну из самых престижнейших медицинских академий в столичном регионе, такое положение вещей все больше вызывало душевный дискомфорт.

Рита ждала, когда девушка заговорит снова. Вот уже половину часа они сидели напротив друг друга за белым чистым столом. В просторной комнатке с единственным, но большим окном было очень светло. Раннее утро позволило врачу и пациентке беседовать в абсолютной и такой непривычной для этого места тишине.

– Если ты хочешь, мы можем продолжить завтра, – сказала наконец Рита и демонстративно отложила ручку в сторону.

Лиза дернулась. Ее худые плечи слегка подрагивали под безразмерным бежевым халатом. Со стороны казалось, что девушка пытается побороть эту дрожь. Но безуспешные попытки, лишь нервировали ее еще больше. Она морщилась и без остановки терла своими худыми пальцами краешек стола. Русые волосы тонкими струйками закрывали ее осунувшееся измученное лицо.

– Нет, – усталым голосом ответила Лиза, – не хочу опять оставлять это на завтра.

– Хорошо, – согласилась Рита и снова схватила ручку замерзшими пальцами.

Она следила за взглядом девушки, которая попеременно смотрела то на свои руки, то на ярко-белую от солнечного света крышку стола.

– Но я же уже вам это рассказывала, – вдруг пошла на попятную Лиза.

– Мне нужны подробности. Много подробностей. Мы не понимаем, что именно с тобой происходит. Если можешь вспомнить тот день, расскажи, пожалуйста, все в деталях, как можно более полно. Справишься с этой задачей? – участливо спросила Рита, стараясь заглянуть в глаза пациентке. Но та смотрела только перед собой.

– Постараюсь, – согласилась девушка и после глубокого сипящего вздоха начала говорить:

– Кажется, днем было ясно, но потом погода быстро испортилась, – Лиза с усилием сглотнула вязкую слюну. – Анька, как всегда, долго подбирала мне наряд, поэтому на эту чертову выставку мы отправились уже под вечер, когда окончательно стемнело и началась изморось. Я вообще не хотела туда идти после трех часов дня, потому что в это время там было стабильно много посетителей. Аня заупрямилась, и где-то около шести мы оказались в студгородке. Очередь в смотровой зал была огромной. Я так и думала. Меня это взбесило. Но Анька держалась бодрячком и все равно хотела туда попасть. В итоге в помещение выставки мы попали где-то в половине седьмого...

Лиза прервалась. Рита спокойно делала записи в блокноте. Нижняя губа пациентки затряслась, но она быстро ее закусила и продолжила повествование:

– Картин было много. Очень много. Ну, больше половины, конечно, всякое барахло, типа абстракции модных художников. Ненавижу эту мазню, херня полная. Мазня психов ничем не отличается от мазни интеллектуалов. Но были и реально хорошие вещи. Портреты, пейзажи. Иногда даже не верилось, что все это нарисовали люди с психиатрическими диагнозами. – Лиза замерла и уставилась в одну точку. Потом тихо засмеялась сама над собой. Рита постучала ручкой по столу, и девушка снова заговорила:

– Анька была в восторге. Меня тоже зацепило. Но она в основном подбегала к портретам, некоторые из них были достаточно жуткими... А Анька все время шептала «Смотри, как здорово!». Ей всегда нравилось смотреть на людей. На фотки чужих людей, на живых людей... Когда мы гуляли где-нибудь на улице, она иногда выбирала себе объект наблюдений – какую-нибудь одинокую личность – и следила за ней... – Лиза улыбнулась уголком рта. – Только люди не любят, если за ними подсматривают. Но Аньку это не волновало. Ее вообще мало что волновало. Эгоисточка...

– Эгоисточка? Это какая-то кличка? Или просто ты ее так называла? – поинтересовалась Рита, делая пометки в своем блокноте.

– Так называла ее я...

– Я так понимаю, вы очень крепко дружили?

Лиза не смотрела на врача. Ее голос стал тише. Казалось, на серой маске лица шевелились одни губы.

– Да, мы крепко дружили. Я считала ее лучшей подругой.

– А она как к тебе относилась?

– Так же.

– Итак, вы пришли в студгородок на выставку картин, написанных людьми с психическими отклонениями... Что было потом?

– Вечерело, – слабо усмехнулась Лиза и осторожно прижалась к спинке стула, скрестив дрожащие руки на груди. – Людей в корпусе постепенно становилось меньше.

– И вы пошли в отдельный закуток, где большие полотна?

– Анька пошла одна. Я немного задержалась.

– По какой причине?

– Меня задержали месячные. Нужно было отлучиться в туалет. Рассказать вам в подробностях, как я меняла прокладку? – несмотря на слабость голоса, тон Лизы явно стал грубее.

– Нет, благодарю, можешь пропустить данный эпизод. – Рита никак не отреагировала.

– Как хотите, это было интересно, – ехидно добавила Лиза, но все же продолжила рассказ. – Когда я вышла из туалета, то сразу услышала крики и поняла, что началась какая-то суматоха. К выходу бежали люди. Некоторые падали, поднимались и снова бежали к выходу. Я бросилась в противоположном направлении, чтобы найти Аню. Люди кричали и кричали. И вот в толпе я увидела ее. Она шла медленно и смотрела в пол. Ее даже пару раз толкнули,

но она будто не замечала, – голос Лизы стал срывать на плач, из глаз покатались слезы. – Я подбежала к ней, схватила за руку и отвела подальше, чтобы нас никто не опрокинул. Я все спрашивала, что там случилось. Она молчала, качала головой, шептала, что все нормально, а у самой руки были ледяные. Я ее встряхнула, а когда она подняла на меня глаза, то...

Лиза не смогла продолжить и беззвучно зарыдала. Рита даже не пыталась ее успокоить. Он просто терпеливо ждала, пока та не прекратит плакать. Спустя какое-то время всхлипы Лизы стали тише, и Рита решила спросить:

– Что не так было с Анной? Ты говорила, что она выглядела страшно. Как именно это проявилось?

– Ее глаза... Я никогда не видела таких огромных зрачков. Это было ужасно. Так же ужасно, как и некоторые картины на той выставке...

Рита записала в блокнот ее последнюю фразу и резко щелкнула ручкой.

– На сегодня все, спасибо, что уделила мне время, Елизавета. Постарайся восстановить спокойствие. Дыши ровно, считай до десяти, как я тебя учила. Всего доброго! И еще раз благодарю за такой подробный рассказ, ты молодец. В этот раз я хотя бы смогу сопоставить факты с твоими фантазиями.

– Да не за что, – ответила Лиза, вытирая рукавом халата мокрые щеки.

Рита позвала медсестру, которая проводила девушку из общей комнаты в ее палату. Сама Маргарита Александровна прошла в свой кабинет и занесла некоторую информацию о пациентке в компьютер.

Ночью в одиночной палате психиатрической больницы было невыносимо тихо. Уличные шорохи не могли проникнуть сквозь толстые оконные рамы, находящиеся почти под самым потолком, чтобы больные не могли достать до стекол. Такое правило действовало даже в отделении для небуйных. Полная герметизация, территориальный и социальный вакуум. В общих палатах, где находится по восемь-десять человек, хотя бы есть возможность общаться с людьми. Одиночные же палаты только больше ускоряют прогресс болезни, превращая человека в животное, разум которого загнан в угол собственными страхами и галлюцинациями.

Лиза сидела в маленькой комнатухе на койке со скомканным бельем и обнимала руками колени. Ее взгляд упирался в противоположную стену, где в причудливом танце извивалась тень далеких деревьев.

Лиза вспоминала Аньку.

«– Неужели ты действительно хочешь нацепить это говно? – возмутилась Анька и вырвала из рук Лизы ее любимую кофту.– Лизунь, это отстой пидарский!

Лиза лишь ухмылялась на подобные замечания. Девушки обе понимали, что она все равно наденет то, что уже выбрала. Но Ане нравилось играть роль заботливой и более разумной подруги.

– Пора становится девушкой, хватит быть чмырёнышем!

– Мне нравится быть чмырёнышем! – размерено отвечала Лиза.

Такие перепалки случались часто, и они несколько не расстраивали подруг. Аня, несмотря на вечное ворчание, любила свою одноклассницу, а теперь и однокурсницу очень сильно, и это было взаимно.

– Я сегодня не настроена воспринимать искусство, – честно призналась Лиза в тот день.

– Ой, отвали! – Анька всплеснула руками. – Мы идем и точка. Я уже столько фоток в сети видела, на этой выставке были все, кроме нас. Надо это исправлять, – с этими словами она демонстративно вышла из комнаты и стала нарочно громко обуваться в прихожей.

Лиза не стала спорить. Мероприятие действительно обратило на себя внимание кучи людей в небольшом городе, и ей тоже хотелось посмотреть, из-за чего столько шума. Да и название «Сто граней безумия» звучало очень поэтично и заманчиво.

На протяжении всей дороги до студгородка медакадемии Лиза говорила о бесполезности их поездки. Анька рулила свою старенькую Нексию и не обращала на занудные бормотания никакого внимания.

– Лучше бы посмотрели какой-нибудь кинчик. И вообще я замерзла.

– Не нуди, – раздраженно отвечала Аня. – Не то высажу тебя сейчас.

Выставка разместилась в одном из просторных залов административного корпуса академии. Ее идейным вдохновителем стал заведующий кафедры психиатрии. Выставка представляла собой результат его трехлетнего исследовательского проекта. Будучи по совместительству одним из руководителей местного Института изучения эндогенных психических болезней, заведующий кафедры в течение многих месяцев просил разных пациентов нарисовать то, что придет им в голову. Некоторые работы поражали воображение здорового человека. Люди, выворачивающиеся наизнанку, вихрь из человеческих голов, цветущие деревья на фоне апокалиптических сюжетов... Вход на выставку был свободный. Организаторы хотели обнажить перед обычными людьми картины, являемые беспокойным разумом.

– Ты посмотри, какая красота! Да это ж заебись! – восхитилась Анька архитектурой в студгородке, когда они припарковались на небольшой стоянке. – А я и не была здесь никогда. Может, нафиг эту столицу, а то полтора часа на перекладных утром и вечером, давай в мед поступать!

– Лучше посмотри, какая толпа туда идет, – недовольно ответила Лиза, глядя на всех желающих именно «прямым» увидеть «Сто граней безумия».

– Ничего страшного, не состаримся. – ответила Аня.

Лиза признала, что была не права, сразу на пороге нужного им зала. Людей было много, но картины все равно четкими большими полотнами проступали сквозь посетителей и намертво цепляли взгляд. Нормальный человек не смог бы нарисовать такого.

– Говорят, самый смак – это шизофреники, но давай оставим их на десерт. Они должны быть в конце зала, мы к ним пойдем медленно, ладно? – спросила через какое-то время Аня.

– Ты иди, а я забегу в санузел, – быстро сказала Лиза, ища глазами нужный указатель.

– Хорошо, встретимся где-нибудь здесь, – Анька улыбнулась и подмигнула Лизе, которая в последний раз видела ее такой красивой и радостной».

Лиза легла на бок на своей больничной койке, не переставая обнимать колени. Ей становилось страшно. Она с детства боялась темноты. За окном слышалось какое-то шуршание, то ли дождь, то ли ветки деревьев с редкой листвой. Лиза зажмурилась и забила под одеяло. Чтобы отвлечься, она стала думать о порно. О чем-нибудь очень жестком – как одну девушку трахает сразу три мужика. Когда Лиза была маленькой, она случайно нашла диск с порнографией в родительском шкафу. С тех пор все ночные страхи она перебивала этими сюжетами. Выбирать другие мысли, вместо пугающих, оказалось хорошей стратегией. И вот в голове Лизы уже разыгрывалось жаркое порево. Трое взрослых мужчин драли девушку явно моложе, чем они сами. Она сидела верхом на одном из них, второй старался над ее задним проходом, третий держал за волосы и заставлял облизывать свой торчащий орган. Лиза задышала глубже. Ее рука забралась в трусы. Через несколько тихих стонов, девушка задрожала и размякла. Затуманенные мысли медленно вернулись к Ане...

В газетах писали, что случившееся на выставке – не более чем пиар-ход руководства для привлечения большего числа посетителей. Городские власти не стали заводить ни уголовного, ни даже административного дела, мотивируя это тем, что никто в момент происшествия не пострадал. Ходило много разных слухов: кто-то утверждал, что люди в тот вечер подверг-

лись воздействию какого-то неизвестного газа, другие говорили, что имел место редкий случай массовой истерии. В общем, шумиха поднялась большая, но ненадолго. СМИ быстро переключились на другие душеспасительные истории, которые каждый день дарила газетчикам и телевизионщикам большая столица. Ясно было только одно – никто из посетителей, обратившихся за помощью в больницу, не помнил, что же на самом деле произошло тогда в секции с картинами шизофреников. Сама Лиза не знала, какой версии верить. Она вроде бы слышала неясный сладковатый запах в момент разгара паники, но не обратила на него внимания. В тот вечер она так и не дошла до конца галереи и не увидела, что же именно испугало ее Аньку и других посетителей.

«Аня сидела за письменным столом и рассматривала в альбоме фотографии двухлетней давности. В то время они с Лизой учились в средней школе и летом ездили отдыхать в сосновый бор, в лагерь для подростков. Тогда они особенно сдружились. Аня томилась по одному парню из старшей группы, имя которого она позже и вспомнить не могла, а Лизка с энтузиазмом помогала ей добиваться взаимности. В один момент, когда парень попытался воспользоваться влюбленностью Аньки на полную катушку, именно Лиза привела подругу в чувство и доходчиво объяснила, что не стоит растрачивать себя так бездумно. Лиза тогда сильно перепугалась за подругу, Аня быстро все поняла и потом была искренне благодарна ей за такую преданность. С тех пор как-то повелось, что подруги всегда и везде были вместе.

Лиза стояла рядом со столом и не сводила настороженных глаз с напряженного бледного лица Ани.

– Ты сегодня опять плохо спала? – спросила Лиза.

– Да.

– Таблеточки не помогают?

– Нет. Нихуя не помогают.

Лиза больно закусил губу. Она присела рядом с Аней на корточки и взяла ее за руку.

– Котенок, я очень переживаю. Я думаю, если ты все-таки расскажешь, что случилось, тебе станет легче. Пойми, ты мучаешь меня. Я так больше не могу. Что произошло, что ты видела или что с тобой сделали? Расскажи, пожалуйста! Ты все время молчишь... Твои родители тоже не понимают, что происходит, а я не могу им подсказать, потому что сама не знаю! – Лиза почти плакала и не могла больше говорить.

Аня молча повернулась к ней. На лице не было ни сочувствия, ни раздражения. Только странная сосредоточенность в чуть прищуренных глазах и плотно сжатых губах. После некоторого молчания она прошептала:

– Ты все равно мне не поверишь. И никто не поверит. Я сама себе не верю...

– Поверю, обещаю! – ответила Лиза со слезами.

Аня опустила взгляд в колени и сразу стала говорить, будто только и ждала, когда же наконец кто-нибудь расплачется перед ней и будет требовать все рассказать:

– Картина. Там была одна картина. Странная. Человек-кит, он лежал в зеленых морских волнах с запрокинутой назад головой. Видно только его подбородок, белесые волосы и огромный черный хвост, начинающийся от пояса. Картина очень большая и какая-то другая, понимаешь, будто фактурная, то есть изображение словно рельефное. Так краски интересно подобраны... Я смотрела на нее долго, а потом...

Рука Ани, которую держала Лиза, стала совсем холодной. Лиза разволновалась еще больше.

– Что? Что произошло?

– Мужчина с хвостом. Он поднял запрокинутую голову и посмотрел на меня в упор.

– То есть? Я не понимаю...

– Сначала я видела только его подбородок, а когда он выпрямился, то я могла смотреть прямо в его черные, пустые, без зрачков и белков глаза...

Внутри Лизы все похолодело, она отпустила руку подруги и отстранилась от нее.

– Ты уверена? Как такое возможно? Может, это был какой-то экран? Видео? Сейчас во всех музеях плазменные панели...

– Нет, холст и краска. Я видела его лицо полностью, видела, как он повернулся. Так же, как сейчас вижу тебя.

Лиза не знала, что ответить.

– Может, оптический обман? Игра света? – она пыталась придумать любые возможные объяснения, чтобы не верить в сумасшествие подруги.

– Он повернулся, Лизунь. А потом резко оскалился. Теперь я не могу спать, стоит закрыть глаза, как он появляется снова... – Аня задрожала всем телом. – Он разговаривает со мной... Это невыносимо, невыносимо... – веки Ани плотно сомкнулись, но слезы все равно покатались на щеки – Он говорит, что никогда не оставит меня в покое...»

Лиза забралась под одеяло с головой. В палате было душно, но так она чувствовала себя в безопасности. Главное, что бы ни случилось, ни при каких обстоятельствах не закрывать глаза. Иначе не спастись.

– Ты права, Анют, – прошептала Лиза темноте, – это невыносимо...

– Ночью у тебя был очередной приступ, – скорее утвердительно произнесла Рита.

Она снова находилась в комнатке с большим окном и белым столом. Напротив, забравшись на стул с ногами, сидела Лиза.

– Вы же сами все знаете, – устало проговорила пациентка.

– Галлюцинации?

– Угу.

– Мужчина с картины? – Рита что-то записывала в блокнот, не особо интересуясь своей пациенткой. Ее тон был, скорее, будничным, нежели участливым и заинтересованным. Лизу это откровенно раздражало.

– Что вы все время там пишете? – не сдержавшись, резко спросила она.

Врач Маргарита Александровна оторвалась от блокнота и невозмутимо посмотрела на свою пациентку. Лиза выглядела сегодня как никогда плохо: редкие волосы, осунувшееся лицо, белки глаз кое-где испещрены красными змейками.

– Я записываю твою речь и особенности поведения.

– «Речь и особенности поведения!» – грубо передразнила Лиза. – Вы можете разговаривать, как нормальный человек? Я хочу общаться не с бездушным психологом, а с молодой привлекательной женщиной, на которую вы похожи!

Рите польстили эти слова, и она закрыла блокнот, демонстративно отложив его и ручку в сторону.

– Хорошо, давай общаться. Итак, твое воображение опять рисовало человека-кита?

– Да. Ночью закрываю глаза и вижу его.

– Знаешь, Елизавета, к твоему сведению, я прочла историю болезни Анны Свиридовой...

Рита выжидательно посмотрела на Лизу, пытаясь понять, как та отреагировала на это заявление.

– И что? – спросила девушка, чуть закатив глаза.

– Раз уж мы общаемся, как женщина с женщиной, а не как доктор с пациенткой, я смело могу сказать тебе то, что думаю. Я предполагаю, что ты разыгрываешь комедию, в которую, возможно, сама уже поверила.

Лиза убрала волосы от лица и искренне усмехнулась.

– Вы считаете, я все себе придумала, да?

– У тебя те же симптомы, что и у Анны! Один в один. Мне кажется, что ты всего лишь очень впечатлительный человек. К тому же, ты попала сюда, после ее смерти. Банальная фрустрация сделала свое дело, и ты придумала себе фантомные муки.

– Я попала сюда, после того, как сама увидела эту чертову картину!

– Картина тут ни при чем, – уверенно возразила Рита. – Анна делилась с тобой переживаниями, рассказывала о своих галлюцинациях, и в итоге ты полностью перенесла все ее страдания на себя. Так бывает. И нередко. Тебе просто надо это принять и постараться поработать над собой.

Лиза внимательно смотрела на своего врача. Маргарита Александровна действительно была очень привлекательной женщиной. Да даже девушкой. Были видно, что ей еще не так много лет, хотя она изо всех сил старается выглядеть старше и мудрее. Красивые светлые волосы до плеч, изящные черты лица, прямая осанка, которая только подтверждала мысль о высокомерии ее обладательницы. Лиза вдруг поняла очень многое о своем враче. Такие люди вызвали у нее одно лишь презрение.

– Вы никогда не ошибаетесь? Ведь так? – откровенно спросила Лиза.

– Человеку свойственно ошибаться...

– Но вы – исключение. Скажите мне, Маргарита Александровна, вы вуз с отличием закончили?

– Да, – Рита поджала губы. – Какое это имеет отношение к нашему разговору?

– Потом вы, наверняка, еще какую-нибудь ординатуру лучше всех преодолели, правда? – не дождавшись ответа, Лиза продолжала. – И теперь работаете в одной из лучших клиник нашей страны. Именно там, куда свозят со всей России самых интересных шизоидных... Это же так почетно! Вы не зря выбрали такую профессию, ведь психотерапевты умнее всех на свете. Так?

– Елизавета, мы далеко ушли от основной темы нашего разговора, – казалось, спокойствие Риты было нерушимым.

Лиза поняла, что несколько перегнула палку, но ей было плевать. Лишь соблюдая этикет, она произнесла сквозь зубы:

– Ну уж извините...

– Все в порядке. Давай продолжим, у меня осталось не очень много времени на тебя.

Рита снова раскрыла блокнот и продолжила писать, задавая однообразные вопросы своей пациентке.

«– Лизунь, я не хочу, чтобы ты мучилась, – Аня отвернулась в сторону. Она сидела на жесткой, обитой дерматином кушетке и теребила пальцами штаны своей любимой пижамы с уточками. Совсем недавно она все-таки согласилась лечь в стационар на обследование. Буквально за несколько бессонных недель из крепкой спортивной девушки она превратилась в худое, еле дышащее тело.

– Уходи, – глухо, но настойчиво произнесла Аня.

– Ты же знаешь, что не стоит мне говорить таких вещей, – зло ответила Лиза. – Время посещения еще не закончилось. Я никуда не уйду.

– Не нужно, Лизунь... Мне здесь не помогут, я уверена. Уходи и постарайся забыть всю эту хрень.

– Забыть тебя, да? Просто забыть, – ответный вопрос звучал слишком резко. Лиза подумала, что ей очень хочется ударить Аньку, причинить ей сильную физическую боль – быть может, это заставит ее очнуться и прекратить говорить страшные глупости.

Аня ничего не ответила. Лиза погладила ее по тусклым длинным волосам. Ей вдруг снова вспомнилось то лето, когда они отдыхали в лагере. Аня заливала слезами разбитое неудачной любовью сердце, а Лиза гладила ее по ярко-черным волосам и успокаивала, как ребенка.

– Ты поправишься, – ласково произнесла Лиза, стараясь придать голосу уверенность.

– Нет. – Аня замотала головой. – Он меня не отпустит, никогда не отпустит. Он съест меня с потрохами... Съест...

В этот момент Лизу охватил гнев. Она сцепила свои руки до боли в пальцах, чтобы преодолеть желание что-нибудь схватить и разорвать в мелкие клочья.

– Блять, Аня, прекрати думать об этом! Ты сама себя съедаешь! Перестань, перестань, перестань!

– Уходи, Лизунь, – чуть слышно произнесла Аня и поднялась с кушетки, чтобы удалиться в свою палату...»

Снова настала ночь. Лиза лежала в своей одиночной палате и смотрела в потолок. Из уголков ее глаз быстро текли горячие слезы. Уже несколько ночей подряд она пыталась не спать, но каждый раз у нее ничего не получалось. Вот и теперь веки тяжелели с каждой секундой, игнорируя быстрое сердцебиение и непрекращающийся поток соленой, едкой жидкости из глаз. Ни успокоительные, которыми ее здесь пичкали, ни снотворное почему-то не действовали. «Надо смотреть по сторонам, нельзя сосредотачивать внимание на чем-то одном», – думала Лиза. Но в пустой комнате, где находилась только больничная койка, нечего было рассматривать. Серые стены, серый потолок, блеклые тени мира за высоким окном. Чуть искрящееся в свете фонаря стекло, заключенное в деревянную раму. Лиза на минуту засмотрелась на него. Вот бы дотянуться, разбить, воткнуть в себя осколок и забыть весь ужас. Но кровать не сдвинуть с места... Анька все же была сильнее духом, у нее получилось быстро умереть. Сейчас Лиза ей очень завидовала. И вдруг она испугалась собственных мыслей. «Нет! Нет, пожалуйста, я хочу выздороветь... Хочу выздороветь...», – слезы брызнули с новой силой.

– Господи, помоги, – слабо прошептала вслух Лиза и через несколько минут все же уснула.

Когда сознание провалилось в сон, она в очередной раз очутилась на той самой выставке. Студгородок, административный корпус медакадемии, закуток с тремя большими картинами. Прямо перед Лизой качается в буйных волнах человек-кит с запрокинутой назад головой.

Лизу начинает переполнять страх. Она знает, что сейчас произойдет.

Через пару мгновений мужчина на картине поворачивается лицом к Лизе со скалящейся усмешкой. Его глаза горят бесконечной чернотой, в них ничего нет.

– Здравствуй, Елизавета! – победно произносит он шелестящим голосом.

Лиза закрывает уши руками, но не может отвести взгляда от картины.

– Нет! – плачет она.

– Разве ты не рада меня видеть?

– Ну, зачем? Зачем все это? – девушка не может зажмурить глаза, чтобы не видеть человека на картине. Она пытается громко читать молитву Отче наш, но все время запинается на полуслове, потом старается вспомнить начало предложения, проговаривает заново. Мужчина скалится, протягивает руки перед собой и вытаскивает их из плоскости холста, чтобы дотянуться до девушки.

Вдруг Лизу что-то сбивает с ног, она падает на колени перед картиной и обхватывает живот руками. Внутри все горит, кажется, органы плавятся и слипаются единым тягучим комком.

Человек-кит не отрываясь смотрит, как корчится на мраморном холодном полу девушка. На его губах уже знакомая до боли ядовитая усмешка.

– Елизавета, я не могу иначе, – лишь это отвечает он на ее молитвы и плач. – Я должен съесть тебя всю, без остатка.

В ту ночь в одной из одиночных палат крупнейшей в стране клинической больницы снова ударялись об стены крики и умоляющий женский плач.

Ранним утром, как и глубокой ночью, на центральных улицах небольшого города, приютившегося на юге столичного региона, властвовала тишина. Всего через пару часов люди начнут торопиться туда, где кипит трудовая жизнь. Самые большие потоки рабочего и учащегося населения стекались всего в два места – это Медицинская академия с Институтом изучения эндогенных психических болезней и Городская клиническая больница №2 с крупнейшим по федеральным меркам отделением психиатрии. Именно в этих двух учреждениях трудились лучшие специалисты своей области, многие из которых не гнушались ездить на работу в область из самой столицы, в то время как большинство жителей выбирали обратное направление следования электрички.

Маргарита Стронгина была из тех, кто преодолевал семьдесят километров из административного центра до места работы на личном автотранспорте. В свои двадцать шесть лет, из которых семь пришлось на учебу в академии и клиническую ординатуру, она искренне полагала, что уже добилась определенных высот в карьере. Самым главным достижением, конечно же, была должность врача-психотерапевта в престижной российской больнице, авторитет которой признавали не только на областном, но и на федеральном уровне. После пяти лет медицинского образования Рита без труда поступила в клиническую ординатуру. Сначала она была клиническим ординатором ГKB №2, весьма успешно проявила себя и чуть меньше полугода назад получила настоящую должность в штате и первого нетривиального пациента. Главный врач, судя по всему, возлагал на молодого специалиста большие надежды, ведь не зря же он несколько лет терпел невероятное упрямство и самоуверенность Риты. Взрастить из девушки хорошего практика главного врача однажды попросил его хороший друг и ее бывший научный руководитель в медакадемии – уважаемый в городе преподаватель с многолетним стажем Георгий Фирсовович Бехтерев. Он выпускал из-под своего крыла лучших врачей округа. К таковым относил себя и сама Рита.

Перед работой она по обыкновению готовила крепкий кофе, белковый омлет и смотрела шестичасовые утренние новости на федеральном канале. Рита жила в съемной квартирке на юго-востоке столицы, почти на краю географии. Родом она была из маленького промышленного города в другой части страны. Сразу после выпуска из школы Рита поехала поступать в самый престижный мед, и, на удивление всех родственников, поступила. После окончания академии она переехала из общежития в большой город, чтобы каждое утро возвращаться туда, где продолжалось обучение, и тратить на это полтора часа в одну сторону. Последнее время Рита все чаще думала, что впечатлений от столицы ей уже достаточно и надо что-то решать с более удобным местом жительства.

На экране телевизора, стоящего на холодильнике маленькой кухни, нудно отвечал на вопросы корреспондента полноватый лысый мужчина с тонкими черными усиками.

– Выставка снова открывается для посетителей в эти выходные, – говорил он слегка гнусавым голосом, – полиция и специалисты академии провели необходимую экспертизу и не выявили никакой угрозы для жизни посетителей. То есть, ни газа, ни чего-либо подобного обнаружено не было, впрочем, как и полгода назад. Бояться не стоит, экспозиция будет работать в прежнем режиме, вход свободный.

– Как вы прокомментируете то, что после закрытия зала галереи, туда неоднократно пытались пробраться посторонние люди? – задал вопрос корреспондент.

– Ну, неоднократно – это сильно сказано, – снисходительно улыбнулся мужчина, – туда проникли лишь единожды. Но это было всего лишь обычное хулиганство. Наша уникальная экспозиция не пострадала. Приходите все на нее смотреть.

– А кто все-таки залез в закрытое помещение академии?

– Это была девушка-подросток, которая сейчас находится в нашей клинике, в отделении душевнобольных. Выводы делайте сами.

Рита налила готовый кофе в кружку и выключила телевизор.

– Проректор упомянул тебя в своем интервью, – насмешливо сказала Рита.

– Охренеть как здорово. Я знаменита, – съязвила Лиза.

Она никак не могла забыть события прошлой ночи. Внутри живота все еще осталось неприятное жжение. Кожу на локтях и коленях саднило от того, что девушка во время очередного кошмара постоянно ворочалась на жесткой простыне. Во рту пересохло, и от усталости и лекарств сильно кружилась голова. Тем не менее, Лиза четко видела перед собой врача и недоверчиво смотрела на нее.

– У тебя нездоровый румянец, – заметила Рита. – Тебе измеряли температуру и давление?

– Физически я вполне здорова, не беспокойтесь.

– Что ж, придется поверить тебе на слово. Тогда давай продолжим разбираться в твоей проблеме! Надеюсь, ты не против, – Рита позволила себе улыбнуться и облокотиться на край стола, который отделял ее от пациентки.

– Да, конечно, раскрывайте свой блокнот.

Рита действительно раскрыла блокнот и щелкнула ручкой. Лиза уже ненавидела этот звук.

– Что я еще должна вам рассказать?

– Зачем ты полезла в смотровой зал, пока он был опечатан? Почему так нетерпелось?

Лиза облизнула пересохшие губы и вздохнула, убрав волосы с лица. Рита в свою очередь радовалась, что постепенно девушка выдавала все больше подробностей о своих последних днях до больницы, и в целом, становилась более разговорчивой. Внешне она выглядела хуже день ото дня: худоба становилась заметнее, белки глаз меняли цвет на красноватый, по результатам анализов ее больные почки становились слабее. Но в речи Лизы почти пропала апатия, даже высокую раздражимость Рита оценивала как хороший показатель. Еще немного и пациентка сама поверит в бредовость своих галлюцинаций.

– Аня себя убила, – тоном равнодушного судмедэксперта сказала Лиза. – Я решила узнать, зачем девятнадцатилетняя девушка задушила себя простыней. В версию о том, что она окончательно свихнулась, я не верила. Все началось с этой дурацкой картины. А я ее даже ни разу не видела.

– Охранник нашел тебя, бьющейся в истерике на полу перед той, так называемой дурацкой картиной. Что конкретно тебя испугало?

– Не что, а кто.

После этих слов Рита оторвалась от записей и взглянула на пациентку. Женщина невольно вздрогнула: лицо девушки искажала какая-то странная, с оттенком маниакальности, ехидная усмешка.

– Почему он тебя пугает? – настойчиво спросила Рита, хотя заранее знала ответ. Она слышала его уже много раз. Они часто это обсуждали. Но ей нужны были подробности, чтобы сопоставить выдаваемые Лизой раз за разом детали – будут ли они совпадать, или окажутся абсолютно разными. В голосе врача-психотерапевта впервые за продолжительное время появился оттенок неуверенности – слишком уж большой дискомфорт вызывала застывшая улыбка Лизы и ее ставшие безумными глаза. Наверное, только теперь Рита поняла, что общается с душевно-

больным человеком, а не со слишком впечатлительным ребенком, который переживает смерть подруги.

– Потому что он хочется меня съесть. Элим хочет. Он мне представился именем Элим, – пояснила Лиза.

Рита откинулась на спинку стула. Она пристально смотрела на худенькую девушку, закутанную в грязноватый мятый халат, и видела в ней озлобленное и измученное болезнью существо, которое никак не хочет выздоравливать.

– Интересно. Имя ты мне еще ни разу не называла. Зачем он мучает тебя, Елизавета? – сквозящий в голосе скепсис относился теперь не к предполагаемому ответу пациентке, а к ней лично, к ее помешавшемуся рассудку, который не способен здраво мыслить. Рита точно знала, что Лиза не сможет ответить так, как ответил бы нормальный человек. Все сказанное ею с этой минуты считалось ересью.

Девушка приблизилась ближе к столу и прошептала:

– Он хочет свободы.

– Свободы? По-твоему, он заперт в картине?

– Пока там...

– Почему «пока»? Куда он попадет потом?

Лиза молча дотронулась указательным пальцем до своего лба и снова неприятно улыбнулась.

Прошло два выходных дня, в которые Рита ездила к матери. В этот раз удалось вполне нормально погостить. Мама не одолевала разговорами про необходимость замужества, Рита не жаловалась на работу и осточертевшую съемную квартиру. Выходные прошли спокойно и тихо. Они готовили кексы, пили чай, пока за окном моросил мартовский снег, и смотрели телевизор. Домой Рита вернулась на поезде в отличном настроении и полной боевой готовности разобраться со своей сложной и пока единственной пациенткой. Главный врач больницы специально не напрягал ее большим количеством подопечных, чтобы она в полной мере могла вникнуть в профессию. Благо персонала в ГКБ хватало вполне. Это вам не какая-нибудь районная поликлиника, где один терапевт вынужден работать сразу на двух участках.

Вернувшись в понедельник рано утром в свою квартиру, Рита успела принять душ, перекусить и быстро прыгнуть в машину. По дороге на работу она горланила песни, записанные на флешку, и вообще вела себя не подобающим серьезному медику образом.

– Доброе утро, Лен, – Рита поздоровалась с дежурной в приемном покое медсестрой, – Как настроение? Ничего серьезного в мое отсутствие не случилось?

Увидев Маргариту Александровну, медсестра Лена резко изменилась в лице. Она сочувствующе посмотрела на врача и ничего не решалась ей ответить.

– Что такое? – настороженно спросила Рита.

– Маргарита Александровна, к сожалению, произошло кое-что неприятное. Василий Петрович не стал вас вызывать, он знал, что вы все равно не сможете быстро вернуться...

– Да что случилось-то? – Рита была вынуждена повысить голос, из-за чего люди, проходившие мимо регистратуры, оглянулись на нее, а кое-кто из персонала больницы даже остановился, чтобы подслушать, чем дело кончится.

– Вчера ваша пациентка умерла... – испуганно ответила медсестра, не сводя округленных глаз с гневного лица врача.

Рита и представить не могла такого поворота событий. Она зло смотрела на медсестру и не верила ее словам. Ее пациентка просто не могла умереть. Она имеет право лишь выздороветь, либо по каким-то не зависящим ни от кого причинам остаться душевнобольной со ста-

бильно удовлетворительным поведением. Рита решила подыграть медсестре, которая определенно что-то напутала.

– Как это случилось? – спросила Рита, стараясь сохранять спокойный тон.

– Вам лучше сходить к Василию Петровичу. Он вам все расскажет. Был скандал. Пациентка ваша даже Татьяну Анатольевну ранила.

В ночь с субботы на воскресенье Лиза окончательно убедилась в необходимости покончить со своей главной проблемой самыми логичными мерами. Ее решение было добровольным и обдуманым, что значительно облегчало исполнение задуманного.

– Татьяна Анатольевна? – жалобно позвала девушка, когда воскресным утром медсестра пришла измерить ее температуру, давление и насыпать на тумбочку горсть таблеток.

– Да, родная? – пожилая медсестра склонилась над болезненно-бледной девушкой и ласково погладила ее по остаткам волос.

– У меня так и не получается нормально спать... Таблетки ваши не действуют. Опять всю ночь промучилась, хотя, что я вам рассказываю, вы и так все слышали, – Лиза горько улыбнулась.

– Бедняжка моя... – только и смогла сказать сердобольная медсестра. За месяц общения с Лизой, она сильно привязалась к этому страдающему ребенку.

– А можно сделать мне укол? Немного снотворного, то, которое посильнее, очень хочу отдохнуть... Можно?

Пожилая медсестра серьезно задумалась. Чуть раньше Лизе вкалывали большие дозы снотворного, что совсем немного помогало ей забыться спокойным сном на пару часов. В последних распоряжениях лечащего врача значился строгий запрет на любое снотворное в виду изменения тактики лечения.

Татьяна Анатольевна смотрела на Лизу, и не знала, как поступить. В широко раскрытых глазах девушки стояли слезы.

– Хорошо, я постараюсь что-нибудь придумать.

Лиза улыбнулась и закрыла глаза. Ее лицо стало умиротворенным, от чего Татьяна Анатольевна окончательно решила нарушить врачебное предписание.

Когда медсестра вышла из палаты, девушка резко поднялась с кровати. Она стащила одеяло и встала у двери. Через несколько минут дверь открылась, и Татьяна Анатольевна вернулась в палату с шприцом и ампулой. В этот самый момент Лиза набросила на нее одеяло и сбила с ног. Медсестра даже не успела закричать. Лиза со всей силой стукнула ее головой об пол и кинулась за упавшим на серый пол шприцем. Она распечатала упаковку, набрала в шприц воздуха и вставила его в катетер на руке. Без всяких раздумий Лиза ввела воздух в вену, а потом повторила процедуру.

– Подавись, скотина! – выкрикнула Лиза и забилась в угол палаты. Через несколько секунд она почувствовала сильное головокружение. Упав на четвереньки Лиза стала задыхаться. Она вздыхала и вздыхала, втягивая ртом воздух, но, казалось, весь кислород из него исчез. Потом в глазах потемнело.

– Ее родители имеют полное право подать на нас в суд. Мы не обеспечили безопасность пациента. Врачебная халатность, – спокойно подвела итог Рита. – Даже не смотря на сотрясение мозга, Таню надо уволить. Это она во всем виновата. Она нарушила мое предписание.

Рита сидела в кожаном кресле в кабинете главного врача и заведующего больницей. Внушительных размеров Василий Петрович стоял возле окна и курил, выгоняя сигаретный дым в форточку. Его густые седые усы раздраженно подергивались. Обычно он так не делал, но, во-первых, беседа была очень нервировающей, во-вторых, он прекрасно знал, что Рита не переносит сигаретного дыма, так пусть хоть так он сделает ей что-то неприятное.

– Вторая пациентка за полгода... это невыносимо! – задумчиво проговорил он, выпуская изо рта облачко едкого дыма.

– Нужно лучше следить за больными, – сурово ответила Рита. – Персонал слишком много себе позволяет. Зачем Таня поперлась к ней со снотворным? Я же говорила ей, что никакого снотворного, как так можно было поступить, вроде не первый год работает, а такая безответственность...

– Рита, замолчи! – вспыхнул Василий Петрович и швырнул недокуренную сигарету в окно. – Хватит сваливать вину на других! Вы все можете только стучать и кричать про безответственность. Каждый санитариска может подойти и пожаловаться! Как же вы меня достали. Выгнать вас всех взащей и набрать нормальных специалистов...

– Не повышайте на меня голос, – Рита поморщилась и отвернулась в сторону. – Я только хочу сказать, что если не принять мер, журналисты обязательно напишут и снимут какую-нибудь гадость, и от вашей великолепной клиники останется только...

– Рита, – перебил ее главврач, – Михайлова была твоей пациенткой... Я поручил тебе только ее, чтобы ты могла потренировать свои навыки, получить хорошую практику. Я вообще зачем-то все это время жалею тебя и оберегаю, какого только хрена. Почему, черт побери, так получилось в тоге?

– Потому что ваша неумная медсестра...

Василий Петрович хлопнул ладонью по крышке массивного стола из темного дерева так, что Рита подпрыгнула от неожиданности.

– Почему она покончила с собой, я тебя спрашиваю?! Не как покончила, а зачем она это сделала?

– Частые галлюцинации, очевидно, что препараты не действовали, регулярная бессонница...

– Рита помолчи, Христа ради! Я не к тому веду! Бехтерев в свое время отрекомендовал тебя как выдающуюся ученицу. Он, конечно, был прав – ты прекрасный теоретик. Но, к моему глубочайшему сожалению, ты ни хрена не понимаешь в людях...

Рита невозмутимо смотрела ему в глаза. В эту минуту она сама не знала, что задело ее больше: необоснованная оценка ее профессиональных качеств или то, что Василий Петрович позволил себе выругаться в ее присутствии.

– Ты можешь идти, – сказал после продолжительного молчания главврач и отвернулся к окну.

Рита твердой походкой вышла из кабинета, осторожно и плотно закрыла за собой дверь. Не раздумывая она направилась к себе в маленький кабинетик, чтобы собрать вещи и написать заявление об увольнении по собственному желанию. Где-то глубоко внутри она ощущала растущее злорадство. Рита с удовольствием представляла себе выражение лица главврача Самойлова, когда он будет держать в руках ее заявление. Она написала на листе все, что считала нужным сообщить своему уже бывшему начальнику, собрала в сумку бумаги пару ручек, блокноты с записями, рамочку с фотографией матери и направилась к выходу из кабинета, который принадлежал ей так мало времени. На выходе ее встретила медсестра Лена.

– Маргарита Александровна, ну как вы? А это что такое? – спросила девушка, указывая взглядом на раскрытую сумку.

– Я ни черта не понимаю в людях, поэтому мне не место среди таких блестящих врачей, – с победной улыбкой ответила Рита и всунула в руку девушке заявление. – Будь добра, передай мой прощальный привет Самойлову.

Рита вышла на автомобильную парковку, где среди машин персонала и посетителей ее ждал синий Форд Фиеста. Небрежно бросив сумку на заднее сиденье, она прыгнула за руль и завела автомобиль. Под тихое урчание двигателя Рита рассматривала здание больницы

и вспоминала свою недолгую медицинскую деятельность. Будучи ординатором, ей не довелось поучаствовать в наблюдении каких-либо интересных случаев. Один психоз, два острых неvroза и небуйная шизофрения. Что тут скажешь, наверное, просто не повезло. Жаль Лиза умерла. Можно было бы использовать результаты работы с ней в каком-нибудь научном труде, такие вещи, как ученая степень очень украшают практикующего врача... Рита подумала, что будет лучше забыть эпизод, связанный с ее неудавшейся карьерой и выбрать новое профессиональное направление. В конце концов, с такими мозгами, как у нее, добиться многого можно не только в ГКБ №2.

Последнее, что запомнила городская клиническая больница о враче-психотерапевте Маргарите Стронгиной – это громкий визг шин ее автомобиля.

– Георгий Фирсовович, я тоже была искренне рада вас слышать, – говорила Рита с широкой улыбкой в мобильный телефон. – Значит, мы договорились: я подъеду к вам завтра, в обед. Вместе перекусим, как в старые добрые времена...

Мужчина на другом конце провода что-то ответил, и Рита звонко рассмеялась.

– Спасибо, очень приятно! До встречи! – сказала она радостно и нажала на кнопку завершения разговора.

Тут же на экранчике телефона загорелась фамилия «Самойлов В. П.» и зазвучала громкая мелодия.

– Алло?

– Что за шутки, Рита?! – кричал Василий Петрович. – Я уже два часа не могу до тебя дозвониться! Мне принесли твое заявление! Что за чушь?! Я не буду его подписывать! Немедленно возвращайся в больницу!

– Василий Петрович, успокойтесь, – едва сдерживая смех, проговорила Рита. – Я уволилась по собственному желанию. Я полностью согласна с вашими словами об отсутствии у меня должной компетенции. Я не вернусь.

– Ну-ка подняла свою горделивую задницу и принесла ее в мой кабинет! Немедленно! – кричащий мобильник уже невозможно было держать рядом с ухом.

– Василий Петрович, мне уже предложили другую работу... – Рита хотела еще больше поддеть главврача.

– Что?! Да как ты смела согласиться на другую работу после того, что я для тебя сделал?! Ничего не хочу слушать, чтобы была у меня сегодня! В крайнем случае, до конца этой недели приказываю тебе явиться! – с этими словами он бросил трубку.

Честолюбие Риты после двух бесед было полностью удовлетворено, и со спокойной душой она отправилась на кухню ужинать, невольно думая о словах Самойлова. В некоторой степени он был прав – он, действительно, много сделал для Риты. Когда к нему в больницу пришли для прохождения ординатуры пять выпускников медакадемии, Василий Петрович сдержал обещание, данное научному руководителю Риты, и взял ее под свою опеку. Рита хорошо помнила их первую встречу с главврачом.

«Она сидела на краешке холодного кожаного кресла напротив большого усатого, чуть лысоватого мужчины и испуганно смотрела на него. Забавно, но он никак не ассоциировался в ее восприятии с заведующим такой огромной многопрофильной клиники. В белом халате он был похож, скорее, на мясника с рынка. Сам Василий Петрович, казалось, тоже боялся сидящую перед ним молоденькую выпускницу медакадемии. Его пышные усы топорщились, а высокий лоб покрылся складками.

– И что мне с тобой делать? – вздохнув спросил Василий Петрович и наконец посмотрел на Риту в упор, которая немного удивилась этому вопросу.

– Георгий Фирсовович сказал мне, что он с вами обо всем договорился, – начала оправдываться она. – Я хочу пройти ординатуру в психиатрическом отделении. С возможным трудоустройством после нее.

Самойлов хмыкнул и пригладил большой ладонью седые усы.

– То есть вот так вот сразу и трудоустройство?

Рита коротко кивнула.

– Нда, – прогудел Василий Петрович, улыбнувшись. – Какие самодовольные нынче выпускники пошли.

– Я окончила медакадемию с отличием, – пояснила Рита свое «самодовольство».

– И поэтому ты считаешь, что уже готова практиковать?

– Ну, я же не случайно пришла к вам, уважаемый Василий Петрович. Я хочу пройти ординатуру под вашим руководством, чтобы за два года набрать опыт, достаточный для того, чтобы стать полностью квалифицированным специалистом.

Самойлов прищурившись смотрел на нее, словно пытаясь разгадать, говорит ли она правду или просто льстит. Рита выглядела невозмутимо. Через несколько секунд молчания она скромно улыбнулась главному врачу. Именно с этого момента Василий Петрович понял, что будет верить ей всегда, что бы она ему не говорила.

– Вот так вот значит, под моим руководством стать квалифицированным специалистом...

Рита опять кивнула, не переставая милейшим образом улыбаться.

– Ладно, давай оценим твой потенциал, отличница, – Самойлов окончательно сдался.

Своих пациентов у него не было – все время занимали общие дела больницы. Поэтому он старался выбрать наиболее яркий образец психического расстройства и направлял Риту к нужному лечащему врачу. Благо клиника имела самый высокий авторитет в стране и интересных пациентов хватало. Тренажерами для Ритиной практики становились люди, страдающие психическими заболеваниями различной степени тяжести. Она не особо контактировала с их врачами, ограничиваясь изучением документов, анамнезов и историй болезней. Да и сами врачи не питали к молодому ординатору симпатии, зная, что ее подослал к ним Самойлов. Тем не менее, Рите удалось многому научиться и даже ощутить на себе всю прелесть стрессовых ситуаций.

Однажды один из врачей оставил ее одну наедине с пациентом в течение получаса, чтобы дать возможность провести самостоятельный опрос. Пациентом был пожилой мужчина. Малого роста и очень худой, одетый в пижаму и махровый халат он был похож на ребенка, только очень морщинистого и жалкого. Мужчина страдал маниакально-депрессивным психозом. В периоды между обострениями он был вполне нормальным и адекватным человеком, не доставляющим беспокойства родственникам, которые, несмотря на это, все-таки отдали его в лечебницу. Возможно, им просто надоели его припадки, которые в пожилом возрасте случались все чаще.

Мужчину звали Валерий. Фамилию Рита уже не помнила. До этого момента она почти не общалась с пациентами лично, а только наблюдала за ними, пока они находятся со своим лечащим врачом. Валерий тихо сидел на опрятно застеленной койке в своей одиночной палате, за которую щедро платили его родственники, и смотрел в пол. Рита решила в полной мере воспользоваться появившейся возможностью сделать что-то самой.

– Валерий, вы не против, что я здесь с вами сижу? – мягко спросила она, бесшумно доставая из кармана халата блокнот и ручку.

Мужчина, не глядя на нее, мотнул головой в знак того, что он не против.

– Как вы себя сегодня чувствуете? – так же мягко задала она очередной вопрос, шелкнув ручкой.

– Мне, как обычно, грустно.

– Чем вызвана ваша грусть? – Рита искренне наслаждалась этой игрой в настоящего врача.

– Мне одиноко.

– Но с вами постоянно находятся люди. Например, ваш врач Ольга Игоревна. А в данный момент – я. Почему вам одиноко?

– Не нужно разговаривать со мной, как с умалишенным, зайчика, – как и прежде, тихо и робко ответил Валерий.

Рита покраснела.

– Нет, – начала оправдываться она. – Я не намекала на вашу болезнь, я имела в виду то, что вы вполне можете общаться с врачом и другим медперсоналом так же свободно, как и с другими людьми.

Валерий поднял на нее взгляд. Рите стало неуютно от его напряженного выражения лица. Она вдруг подумала, как нужно себя вести, если этот человек решит наброситься на нее. Можно ли будет в этом случае обороняться?

Старик медленно облизнул верхнюю губу. Рите стало совсем нехорошо.

– Ты думаешь, что мне хочется с вами со всеми общаться, девочка? – тихо говорил Валерий. – Вы держите в психушке нормального человека, а я должен вести с вами светскую беседу, по-твоему?

– Я к тому, что в отсутствии иного общения, вы могли бы воспользоваться хотя бы имеющимися возможностями.

– Ты не представляешь, как здесь паршиво, особенно по ночам. После всего того, что я здесь испытываю, у меня нет желания разговаривать с крысами в белых халатах.

Рита возмутилась.

– Я бы вас попросила воздержаться от оскорблений. Вам пытаются помочь, между прочим.

– Помочь? Да ты хоть знаешь, что они со мной делают? – глаза старика нездорово заблестели. – Они вкалывают мне лекарства, от которых я все забываю и хожу по-маленькому прямо в постель, как годовалый ребенок. Я не чувствую вкуса пищи от ваших гадских таблеток. Вы лишили меня всех маленьких радостей. И знаешь, что еще?

Рита старалась не показывать своего волнения, которое нарастало с каждой минутой. Мысленно она пыталась оценить, сколько уже прошло времени и через минут вернется Ольга Игоревна.

– Они издеваются надо мной, – начал отвечать мужчина, не дождавшись ответа. – Мой лечащий врач, она приходит ко мне ночью. Она вкалывает мне что-то, чтобы я не двигался, а потом всю ночь насилует меня шваброй.

До Риты плохо доходил смысл его слов. Страх уже звенел в ушах, ей не хотелось слышать никаких рассказов этого человека.

– Ты не веришь мне, – спокойно заключил Валерий. – И никто не верит. Ни медсестра, ни мои родственники... Но я могу тебе доказать! – старик оживился. – Ты сама сейчас все увидишь, – он поднялся и прежде, чем Рита успела понять его намерения, снял с себя штаны и повернулся к ней оголенной частью. Рита задохнулась от возмущения.

– Немедленно оденьтесь!

– Смотри! Смотри, какая у меня там дыра!

Рита поддавалась настоящей панике. Она вскочила со стула и выбежала из палаты, плотно закрыв ее за собой. По коридору к ней быстро шел Василий Петрович.

– Что там происходит? Кто это кричит? – громыхал он.

Самойлов окинул Риту оценивающим взглядом и понял, что с ней все в порядке. В этот момент пациент Валерий за дверью закричал громче:

– Смотри! Смотри же!

Главврач распахнул дверь в палату и остановился на пороге. Рита не видела, что там происходило.

– Где ключи? – спросил Самойлов, закрыв дверь обратно.

– Ольга Игоревна унесла их с собой, – пролепетала Рита.

– А где она сама? – взбесился Василий Петрович.

– Не знаю, она предложила мне самостоятельно пообщаться с пациентом и ушла.

Главврач рывкнул что-то непонятное и пошел в сторону двух медсестер, стоящих в коридоре. Спустя пару минут пациента Валерия благополучно заперли в его палате. Как потом оказалось, Ольга Игоревна специально подсунула Рите такой «экземпляр», чтобы посмеяться над ней. Самойлов отчитал врача так, что с Ритой еще долго не разговаривала большая часть работников отделения. А Рита была только рада избавиться от ненужных бесед с посторонними людьми. Это, пожалуй, был единственный неприятный эпизод в ординатуре. Совестьливый главврач извинился перед Ритой за Ольгу Игоревну и впредь строго следил, чтобы ее практика проходила в самом мягком режиме. Так как Василий Петрович был прочно женат и, судя по многочисленным фотографиям на его рабочем столе, обожал свою многочисленную семью, Рита была уверена, что его отношение к ней вызвано лишь гипертрофированным чувством отцовства».

Рита отвлеклась от воспоминаний, связанных с ее бывшим начальником. Она сидела за круглым столом в маленькой кухне съемной квартиры и мешала ложкой остывший чай с медом. В голове Риты возникла Лиза. Почему-то обычно вечером, в одиночестве приходили дурацкие, неприятные мысли. Это могли быть старые, но забытые страхи, прошлые неудачи, которые так и просились на бессмысленный анализ. Время от времени Рита думала о матери, которая после ее отъезда в другой город осталась совсем одна. Сама того не желая, Рита представляла, что вот мама умерла. А потом долго воображала, что она будет чувствовать в этот момент. Доходило до того, что Рита могла разреветься из-за еще не случившегося несчастья, а потом долго стыдится своей больной фантазии. Что-то нездоровее в этом есть – считала Рита, оценивая собственное поведение. И как всегда, полагала, что дурные мысли могут прийти в голову исключительно от безделья, поэтому надо всегда держать для себя наготове парутройку хотя бы бытовых занятий.

Сегодня как раз был вечер плохих и глупых мыслей, а дел по дому не нашлось. Пришлось долго и упорно вспоминать Лизу.

«– Как он выглядит?»

– Вам действительно это интересно?»

– Конечно, – соврала Рита.

Лиза смотрела на нее недоверчиво, но все же начала отвечать:

– Острые черты лица, черные волосы до подбородка, вместо глаз чернота. Но этот взгляд все равно проникает внутрь и жжет... Очень больно жжет...

Серые, потрескавшиеся губы Лизы дрожали, но лицо не выражало никакого волнения

– Какого рода это жжение? Боль или холод? Тупое или ноющее чувство? Где именно жжет? – задала Рита сразу несколько вопросов, будто ей было важно это знать.

– Боль всякая. Самая разная. Настолько горячая и сильная, что я не всегда могу понять, где ее источник. Мне иногда кажется, что все тело внутри воспалено, до кончиков пальцев».

«Полнейший бред, у девушки было воображение еще более воспаленное, чем у меня», – констатировала Рита и допила холодный чай.

Когда она случайно взглянула на выключенный телевизор, стоявший на узкой кухонной тумбочке, у нее родилась неожиданная мысль, не приходившая в голову раньше.

«А почему бы самой не сходить на выставку?», – подумала она и сладко потянулась от неожиданно гениальной мысли. «Что там за человек-кит с черными глазами?»

В маленьком уютном кафе под забавным названием «Универ» царила обычная суэта. Официанты в ярко-желтых фартуках сновали туда-сюда, принимали заказы, быстро и ловко разносили еду на пластиковых подносах. Посетители, в основном студенты медакадемии и ее преподаватели, ели бизнес-ланчи, читали новости в смартфонах и иногда разговаривали между собой. Фоном звучала одна из популярных радиостанций.

Рита из солнечной мартовской улицы легко перепорхнула сквозь открытые двери в прохладу кондиционеров и сразу увидела за одним из столиков у окна пожилого мужчину с копной седых непослушных волос.

– Георгий Фирсовович, как же давно мы с вами не виделись! – Рита расплылась в улыбке, похлопала старика по плечу и села за столик напротив него.

– Маргарита, – только и смог ответить расчувствовавшийся профессор.

– Вы уже сделали заказ? Я голодна, как волк!

– Нет, не сделал, ждал прекрасную нимфу, которая обещала составить компанию дряхлому старику.

– Георгий Фирсовович! – Маргарет зарделась. – Никакой вы не старик...

– Ну, не будем обсуждать очевидные факты. Давай лучше устроим пир. Гарсон! – Георгий Фирсовович поднял руку вверх и повелительно щелкнул пальцами.

На зов тут же прибежал запыхавшийся парнишка и, резко выхватив из-за уха карандаш, громко выпалил:

– Я весь внимание!

Профессор Бехтерев внимательно смотрел на официанта через узкие прямоугольные стекла очков.

– Алексей? – спросил Бехтерев.

Парень оторвал от блокнотика ясные голубые глаза, удивился, покраснел и спохватившись стал оправдываться:

– Ой, Георгий Фирсовович, здравствуйте, простите, я вас не узнал...

– Алексей, что ты здесь делаешь? – четко спросил Бехтерев, по старой преподавательской привычке выделяя каждое слово, будто озвучивая лекцию большой аудитории.

– Я здесь работаю... – парнишка явно чувствовал себя некомфортно. Насупившись, он стал смотреть исключительно в пол, как нашкодивший первоклассник.

– Насколько я помню, ты должен был сегодня представлять доклад на нашем семинаре! Как это прикажешь понимать?

– Я не подготовил доклад...

– А когда мне его от тебя ожидать?

– Я все сделаю через неделю, честно.

– Надеюсь, это, – Бехтерев обвел рукой кафе, – не помешает твоему обучению?

– Нет, Георгий Фирсовович, не помешает, даю вам честное слово...

Тем же строго-наставительным тоном профессор добавил:

– Нам два черных кофе и ваши фирменные кексы!

– Хорошо, Георгий Фирсовович, я мигом.

Паренек умчался, словно вихрь мартовской поземки, испуганной набежавшим ветром.

Рита чуть заметно улыбалась, рассматривая лицо Бехтерева. С их последней встречи, которая была, кажется, больше полугода назад, он нисколько не изменился, только лицо выглядело немного более усталым.

– Зачем он здесь работает? Ему надо магистерскую заканчивать! И доклад мне не сдал! Там делов-то на две минуты, – негодуяше бурчал Бехтерев. – Один из моих лучших учеников,

а творит черт знает что! – он нервно выдернул из подставки салфетку, развернул ее и положил перед собой.– Представляешь, Маргарита, Алексей – единственный студент, который смог написать достойный, серьезный труд по теории происхождения панических расстройств в нынешнем потоке! Куда катится наша молодежь, если самые светлые головы выбирают работу в сомнительном месте вместо науки?..

– Георгий Фирсовович, как я рада нашей встрече! – не замечая профессорской тирады, с нежностью произнесла Рита и ослепительно улыбнулась, отчего он замер на мгновение, а потом продолжительно вздохнул и откинулся на спинку стула.

– Маргарита, Маргарита... в возрасте Алексея ты была такая же, как он, а именно – невыносимая. Кем ты тогда пыталась подрабатывать?

– Сиделкой.

– Ах, да, конечно же!.. Помню, помню...

Рита хохотнула:

– Помните, как однажды во время вашей лекции я заснула от усталости, а когда вы повысили голос, чтобы разбудить меня, я начала причитать: «Успокойтесь, Таисия Ивановна, я сейчас все вытру», помните?

– Да, я тогда даже не нашел, что ответить, а все остальные вдоволь посмеялись.

– Мне было очень стыдно, честно-честно!

– Маргарита, на моей памяти тебе было стыдно лишь единожды, когда Зоя Викторовна уличила тебя в списывании во время контрольной...

– Ох, точно, до сих пор стыдно! – Рита кокетливо улыбалась.

Официант Алексей принес им заказ и без лишних слов скрылся в другом конце ресторана. Бехтерев проводил его недовольным взглядом и повернулся к собеседнице. Немного полюбовавшись ею, спустя несколько минут молчания он начал говорить другим, решительным тоном:

– Нина Борисовна Звягинцева ушла в январе на покой. Совсем сдала, старушка. Ты ведь помнишь ее, как преподавателя? А раньше она была заведующей всей нашей кафедрой клинической психологии. Нда... Так вот, ставка освободилась, предлагаю тебе ее место. Сначала, конечно, придется поработать в должности ассистента, но это временно, я тебя уверяю, – быстро произнес Георгий Фирсовович.

– Преподавать? – ошарашено спросила Маргарет. Это предложение ее очень удивило и порадовало одновременно. – Я думала, вы хотите предложить мне какую-нибудь административную должность на факультете.

– Какую? Секретаря в деканате? Прекрати, это слишком просто для тебя. Не твой уровень.

– Но уже середина семестра... Мне придется ждать до сентября?

– Не совсем, у Звягинцевой в весеннем семестре всегда стояло два курса лекций, которые сейчас ведет одна из наших аспиранток. Ситуация складывается таким образом, что ей необходимо срочно защищаться. Диссертационный совет закрывается через пару месяцев, поэтому ей нужно представить работу к защите как можно скорее, иначе она потеряет еще полгода, а возможно, и год. Открыть диссертационный совет, это вам не пустяки. В общем, девушка сейчас разрывается, а заменить ее нам было некем до недавнего времени.

– Понятно. А какие курсы нужно вести? Я успею вникнуть в преподавательскую работу?

– Несомненно, успеешь! Первый курс – это «Нейропсихология», и второй – «Личностные расстройства»

– Ох... жаль... я-то была лучшей студенткой на курсе психологии отношений – по вашему предмету. Не думаю, что мне хватит квалификации в сфере мозговых процессов.

– Перестань, Маргарита, – Бехтерев мягко улыбнулся.– Психология отношений не твой конек.

Рита удивленно вскинула брови вверх. Георгий Фирсовович смотрел на нее с едва заметной усмешкой.

– Но как?.. Вы же всегда ставили мне отлично... Хвалили и просили других братья я меня пример. А мои доклады по дисциплине? Они же были прекрасны, по вашим словам!

– Теорию ты знаешь превосходно.

– Значит, с практикой не все в порядке? – Рита заметно занервничала.

– Успокойся, Маргарита. Вспыльчивость – твой единственный недостаток...

– Помимо неумения общаться с людьми, видимо, – Рита демонстративно отвернулась к окну и сложила руки на груди, всем своим видом показывая обиду.

– Тебе просто не нужно уметь с ними хорошо общаться. Разве ты переживала, не найдя хороших друзей в университете? Нисколько, я наблюдал. Одиночкой для тебя быть комфортнее. Став преподавателем, ты обретишь полную свободу, раскроешь талант теоретика, сделаешь научную карьеру – разве от таких блестящих перспектив можно отказаться молодой умной женщине?

– Полную свободу? – переспросила Рита.

– В больнице над тобой довлел Василий Петрович... Он, кстати, все так же раздувает ноздри, когда кричит?

– Да, но мы сейчас не об этом. В академии надо мной будет заведующий кафедрой, да и декан, к примеру. Какая же тут свобода?

Бехтерев хитро улыбнулся, причмокнул и с заметным самодовольством сообщил:

– Я не сообщил тебе одну приятную новость – меня избрали деканом нашего факультета. Так что декана можешь не бояться.

– О, Господи! Георгий Фирсовович, поздравляю! Почему вы не сказали раньше?

– Ждал подходящего случая. Теперь ты согласна преподавать на моем факультете? Имей в виду, что в случае согласия, у тебя будут отличные перспективы дорасти как минимум до заведующей кафедрой.

– Теперь определенно согласна! – уверенно кивнула Рита, сомнения которой окончательно испарились под напором многочисленных профессиональных бонусов, которые сами сыпались ей в руки.

– А когда начинать?

– Желательно уже на следующей неделе. Я предупрежу Юлию, ту самую аспирантку, она передаст тебе лекции и объяснит, что уже рассказала студентам. Приезжай часам к девяти в понедельник.

– Отлично! – радостно выдохнула Рита.

На прощание Георгий Фирсовович галантно поцеловал руку своей бывшей студентки, и они разошлись в разные от кафе стороны. Небо разурмянилось послеполуденным солнцем, воздух позднего марта стал как-то особенно свеж и сладок. Прохожие торопливо возвращались с обеда, на дорогах было все еще оживленно и только со стороны медакадемии доносился веселый студенческий смех, ставший еще одним украшением прекрасной погоды.

«Работать преподавателем будет чрезвычайно приятно», – подумала Рита. Ты сам себе начальник: можно составлять лекции в зависимости от своих предпочтений, воодушевлять студентов на написание интересных курсовых работ и рефератов, и потом пользоваться результатами их исследований для своих статей – как бонус, проводить семинарские занятия, рассматривать сложные случаи из практики и выслушивать мнения начинающих психиатров и психоаналитиков, в конце концов, наставлять молодых и неопытных на путь истинный.

Неожиданно для самой себя Рита снова вспомнила о выставке «Сто граней безумия» и своем решении там побывать. Она резко повернула в другую сторону и пошла к студгородку. На здании первого административного корпуса все еще висела растяжка с приглаше-

нием на выставку, только теперь на ней дополнительно был наклеен небольшой плакат с надписью «открыта вновь». Рита прошла внутрь здания, нашла нужный зал и обнаружила, что может пройти к экспозиции совершенно свободно.

Почему-то она ожидала, что внутри будет душно и людно. Но по площадке выставки бродила всего пара-тройка человек. Либо основная посещаемость приходится на вечер, либо все в городе уже были здесь, кроме нескольких запоздалых любопытствующих.

Рита начала просмотр от входа. Она медленно двигалась вдоль линии картин. Всего через пару минут она совершенно забыла о времени. Бумага, холсты, акварель, масло, цветные и обычные карандаши – рисунки были самые разные. Не было ни одной похожей работы. И откровенной мазни, как говорила Лиза, тоже не было. Везде можно было найти некий, иногда очень хорошо спрятанный сюжет. Остановившись перед картиной с маленькой девочкой, делающей уроки, Рита поразились мельчайшей детализированности работы: девочка сидела за письменным столом в детской комнате и смотрела в школьную тетрадку. На столе можно было рассмотреть фантики от конфет, разноцветные наклейки и даже стружку от поточенного карандаша. На заднем плане находилась чудная резная мебель – кровать с пышной перинкой и невысокий розовый платяной шкафчик. Рита с удовольствием поглощала взглядом детали, пока не наткнулась на черную мохнатую руку, высовывшуюся из шкафа. Ее нельзя было так сразу рассмотреть, рука была в тени, но как-только глаза начинали всматриваться в каждый элемент рисунка, рука проявлялась достаточной четко. Рита отстранилась от картины и пошла дальше, стараясь победить не очень приятное послевкусие от картины. Потом были лица: мучимые непонятной болью, перетекающие друг в друга. Были пейзажи, странные и, казалось, бы совершенно обычные – с коровками на лугу. Были дети и обнаженные женщины. Рита прошла мимо портрета мужчины с зашитым ртом, мимо лужи крови рядом со сдохшей кошкой, мимо прекрасно изображенного со всеми тенями и волосками морщинистого уха, повисшего в воздухе. Сюжеты быстро сменялись, и мало что из них оставалось в голове дольше нескольких секунд.

Когда Рита оказалась в секции картин, написанных больных шизофренией, другие посетители уже покинули выставку. Она обвела взглядом все экспонаты и увидела то, зачем пришла.

Большое полотно хоть и выделялось размерами, но не сразу обращало на себя внимание. Возможно, дело было в том, что зеленоватый цвет волн на картине сливался с цветом стен зала. Раскинув в стороны руки, в беспокойном море дрейфовал мужчина с черным хвостом кита. Лица его не было видно из-за запрокинутой назад головы. Только острый подбородок, черные волосы, крепкий торс и мощный хвост. Странно, что Лиза и ее подруга выбрали для помешательства именно эту картину, ведь рядом находились куда более интересные сюжеты. Рита взглянула на табличку под картиной и обнаружила, что в отличии от всех других, у нее не был указан автор.

Рита была слегка разочарована. Она сама не могла понять, чего ожидала от этой встречи, но явно не простого лицезрения обычного рисунка масляными красками. Рита еще раз внимательно посмотрела на человека-кита. Нет, ничего: ни поворота головы, ни злобной усмешки, ни черных пустых глаз. В душе бывшего психотерапевта взорвалось какое-то победное чувство. Теперь Рита окончательно поверила в правильность своих выводов относительно излишней впечатлительности своей покойной пациентки. С чувством полного удовлетворения она отправилась домой.

– Черт побери! Стронгина, не выводи меня из себя! – главврач Самойлов орал в телефон уже минут пять, требуя немедленного возвращения Риты.

– Василий Петрович, – устало отвечала она, – еще раз повторяю, что объяснительную и все нужные заключения я отправлю вам экспресс-почтой, с подписью. Я знаю, что должна

оформить кучу бумаг из-за смерти пациента. Но на работу я не вернусь. Заявление по собственному у вас уже есть.

Самойлов что-то прорычал в трубку и отключился. Рита доела ужин и пошла собирать вещи. С преподавательской зарплатой она не могла себе позволить съемную квартиру, поэтому как-то само собой принялось решение о переезде поближе к месту работы. Деньги, полученные в наследство после смерти папы, она потратила еще обучаясь в ординатуре. Расставаться с машиной, пусть и старенькой, не вариант, поэтому надо просить общежитие для сотрудников медакадемии. Бехтерев, наверняка, не откажет в этом помочь. Да и в этом городе ее ничего не держало. Вся эта суматоха и толпы людей уже порядком надоели.

Рита прошла в комнату и остановилась на пороге, не зная, с чего начать сборы. Столь малый метраж квартиры был занят огромной массой барахла. У окна в углу были свалены пустые картонные коробки, оставшиеся еще с заселения, на подоконнике – куча пыльных учебников, в том числе за второй курс академии, а это было уже много лет назад. Стеллажи завалены тетрадами с лекциями, почетными грамотами, журналами с научными статьями Риты, которыми когда-то давно она очень гордилась, а теперь и думать забыла про то, что ей это еще может понадобиться. Кактус на письменном столе превратился в высохшее чучело растения. Не смотря на все это безобразие, нельзя было сказать, что в квартире был полный беспорядок. Если не присматриваться, было даже чисто и прибрано, но стоило заглянуть в углы или под кровать, или внимательно присмотреться к полкам...

«Творческий бардак, ничего страшного», – оправдывала себя Рита, выгребая из-под кровати стопки прочитанных глянцевого журналов. Часа через три в комнате стало легче дышать, а у входной двери толпились мешки с мусором. Пришло время самой ответственной части сборов – кипу лекционной макулатуры необходимо было разделить по двум группам: нужную и ненужную. На практике получилось три стопки, включая стопку под названием «стоит подумывать, а вдруг все-таки нужно».

Рита приступила к просматриванию последней коробки с блокнотами из прошлой, профессиональной жизни, в которых были коротко набросаны истории больных еще с ординатуры. Четкая надпись на одном из блокнотов «Анна Терехина, 19 лет» была аккуратно выведена незнакомым ей почерком. Рассматривая случай Лизы, Рита однажды попросила кого-то из врачей дать ей информацию о подруге больной. Записей лечащего врача Терехиной оказалось не так много, и Рита, пролистнув однажды небольшую тетрадь, не посчитала нужным к ней возвращаться, да и возвращать ее тоже. В то время она даже не задумалась над тем, почему ни в архиве, ни в самих записях о пациентке, ни в компьютерной базе данных не значится фамилия лечащего врача и почему материалов об этом случае было очень мало.

Теперь Рита с особой заинтересованностью открыла первую страницу.

«21.09.14 Пациентка Анна Терехина только что прибыла в отделение. Она сразу попросила вызвать меня. Речь ее вразумительная, тон требовательный. Она просила (зачеркнуто) настаивала на том, чтобы ее „поселили“ (видимо, она считает, что здесь останется надолго) в комнате без решеток и с работающей вентиляцией. После ужина она не пожелала говорить со мной и сразу легла спать».

Дальше не было ничего примечательного: врач описывал обычные дни пациентки с детальным анализом вспышек обострения болезни и сопутствующих патологий, в том числе с приведением данных о прогрессе галлюцинаций, частоте бессонницы, потери веса, привыкания к лекарствам. Пролистнув несколько страниц, Рита остановила взгляд на одной из записей.

«30.11.14 У Ани случился приступ. Медсестра прибежала за мной в кабинет и сообщила, что нашла ее на полу, всю в кровоподтеках и без сознания. Когда она пришла в себя, я был рядом. Аня попросила меня всех выгнать и поговорить с ней наедине. По ее словам, Элим приходил этой ночью, но Аня, как я ей и советовал, игнорировала его. Эта тварь разозлилась и стала жечь сильнее...»

Рита удивленно смотрела на запись в узкой тетради. Занимаясь болезнью Лизы, она проштудировала все имеющиеся официальные документы, касающиеся Анны Терехиной, а столь интересные записи лечащего врача пропустила мимо. Видимо, она действительно не подходит на роль компетентного специалиста.

Рита со смешанными чувствами отложила блокнот в сторону. Последняя запись резанула глаз. Как только появится время, стоит, ради интереса, несколько прояснить ситуацию с безымянным доктором и его пациенткой. Рита вдруг поморщилась. Она вспомнила, что надо писать эпикриз и срочно отправлять его Самойлову. Иначе он действительно приедет к ней лично, старый паралитик.

Комната в общежитии для сотрудников академии ей досталась просторная и светлая. Второй этаж, густые кроны деревьев за окнами и площадь студенческого городка как на ладони. Бехтерев, приложивший руку к новоселью Риты, поспешил лично поздравить ее с переездом.

– Даю тебе день на то, чтобы освоиться, – тараторил он, вручая кактус в темном глиняном горшке, – а завтра в расписании уже стоят твои первые занятия.

– Надеюсь, студенты не съедят меня живьем, – пошутила Рита.

– Милая моя Маргарита, я им это не позволю, – профессор игриво подмигнул и удалился.

Держа в руках блюдечко и чашку с черным сладким кофе, Рита наблюдала из окна, как многочисленные группки студентов, навьюченные рюкзаками и вместительными сумками, снуют туда-сюда, как стайка муравьев. С завтрашнего дня начинаются ее занятия, теперь уже в качестве преподавателя. За прошлую неделю Рита успела разобраться с документами для ГKB №2, отправила Самойлову ценную бандероль, съехала с квартиры и набросала примерный план первых лекций. С аспиранткой Юлей так и не удалось нормально пообщаться, они поговорили минут пятнадцать по телефону, и потом Рита получила от нее письмо с отдельными лекциями и ссылками на уже прочитанный студентам материал.

Стоя у окна, Рита вспоминала, как девять лет назад впервые оказалась в Государственной медицинской академии имени В. Х. Кандинского в качестве студентки первого курса. Ее заселили с очень тихой и робкой девушкой Наташей (фамилию Рита не могла вспомнить), которая оказалась латентной истеричкой и вылетела из академии после второй сессии. Рита с особым злорадством вспоминала эту историю, ведь Наташенька на первом курсе значительно подпортила ей жизнь своим вечным нытьем.

В целом, свои студенческие годы Рита оценивала как удавшиеся и полностью оправдавшие надежды. Ей безумно нравилось учиться, посещать лекции и семинары, участвовать в практических занятиях, смотреть на медицину изнутри. Рита не пожалела, что выбрала именно такую специальность. Лечить людей, не копаясь в их внутренностях, как делают хирурги, было для нее главным преимуществом профессии психотерапевта. Младшие курсы, когда обязательным пунктом в учебном плане стояло посещение морга, Рита до сих пор считала самым жутким из того, что с ней происходило за всю жизнь.

Неожиданно в дверь ее комнаты постучали. Рита замерла от удивления. Возможно, опять Бехтерев, но он, кажется, торопился куда-то. Когда тихий стук повторился, Рита поставила блюдце с чашкой на круглый столик и открыла дверь. На пороге стояла высокая длинноволосая блондинка в цветастом сарафане.

– Привет! Извини за беспокойство, меня зовут Женя, я твоя соседка и пришла узнать, кто это к нам заселился, – говоря это, девушка теребила длинные бирюзовые бусы и старалась широко улыбаться.

– Здравствуйте, – Рита чуть отошла в сторону, – Меня зовут Маргарита...

– Можно на «ты»? – махнула рукой Женя и хохотнула.

– Хорошо, – скованно ответила Рита. Она уже сто раз пожалела, что открыла дверь.

– Ммм, кофе? – предложила Рита из вежливости.

Блондинка слегка замешкалась, но прошла в комнату.

– Ну давай. Вот это да! – воскликнула она, осматриваясь. – Я знала, что здесь есть нормальные комнаты! Может у тебя еще и кухня своя?

– Нет, кухня на блок, – ответила Рита, наливая горячую воду из чайника в чашку.

– Кофе с сахаром? – поинтересовалась она.

– Да, две ложки, если можно.

– Вот, пожалуйста, – Рита поставила чашку с блюдечком на журнальный столик, перевезенный из съемной квартиры. – К сожалению, не могу предложить присесть. Кроме кровати и этого столика, пока ничем не располагаю.

Женя беззаботно махнула рукой, показывая, что ничего страшного в отсутствии сидячих мест нет.

– Эммм, – промычала Рита. – Ты тоже сотрудник академии?

– Да, я руководитель художественной студии.

– Художественная студия? – вдруг вспомнив, спросила Маргарет. – Когда я училась здесь, не было никакой студии. Всякие литературные и музыкальные кружки – это да. Но все было на уровне самодеятельности. Все-таки медицинский университет.

– Это долгая история, – Женя улыбнулась. – Моей студии уже почти два года. В академии раньше работала моя тетка, вот она и помогла мне организовать здесь настоящую художественную студию. Чтобы студенты хоть иногда отвлекались от трупов и крови, – девушка захихикала.

Она встала рядом с журнальным столиком и теперь изучала новую коллегу. Взгляд ее пробежался по складной фигуре, спрятанной под бордовой кашемировой блузой и клетчатými брюками, и остановился на привлекательном лице.

– Зеленые глаза? – спросила Женя, словно решила обсудить интересный аксессуар.

– Да, – Рита поддержала ее тон, – достались в наследство от матери.

Женя снова хохотнула и отпила предложенный кофе. Когда она держала чашку, то слегка оттопыривала мизинец, отчего движения руки казались жеманными и наигранными.

– Женя – это полное имя? Или есть фамилия? – поинтересовалась Рита.

– Евгения Борисовна Сенкевич.

– Евгения Борисовна, так как же все-таки появилась студия? А то я очень заинтригована.

– Раз тебе так интересно, то расскажу! – Женя закатила свои красивые глазки. – Ну, так вот, сама я училась живописи в пензенской художественной школе, потом был дизайнерский колледж, потом выпуск и вообще никакой работы. Мою маман, конечно, обуяла паника, что я умру голодной смертью. Нелепость еще та! Так вот, она стала очень просила мою тетку куда-нибудь меня пристроить, и в итоге я оказалась здесь, в академии, с собственной студией, представляешь! Звучит, и правда, нелепо! Спасибо Георгию Фирсововичу Бехтереву. Он очень поспособствовал в этом деле.

– Твоя тетя продолжает здесь работать? Что она преподает? – Рита хотела услышать больше подробностей. Она не вполне верила в правдивость этого рассказа. Как-то слишком быстро на ровном месте выросла какая-то студия, которая не очень-то здесь и нужна. Зачем перекраивать штатное расписание из-за какой-то девочки без работы. Бехтерев, конечно, любит людям помогать, но не до такой степени.

– Она уже тысячу лет преподает одно и то же – какую-то там социологию чего-то в чем-то.

– Ну что ж, значит, нам обеим в трудоустройстве помог профессор Бехтерев, – подвела итог знакомства Рита. – Я по его приглашению буду обучать студентов-психотерапевтов.

– Психотерапевты? Это серьезно! – изумилась Женя и захлопала длинненькими ресничками, добавив, – хотя тут все такие серьезный, что с ума сойти! Ты раньше преподавала?

– Нет, но, надеюсь, мне хватит имеющихся знаний и опыта, которые я получила, будучи врачом местной клиники...

– Ого! После этой шикарной громадины в преподаватели? Я слышала работать в больнице очень почетно. Не обидно с ней расставаться?

– Нисколько, – искренне засмеялась Рита. – Я уверена, здесь мне будет комфортнее.

Женя задумалась и, постукивая ногтем по чашке, медленно произнесла:

– Постой-ка... Мне тут недавно рассказывали, что в больнице опять какая-то история со смертью психички случилась... Там еще врач со скандалом ушла. Это не ты?

Рита лишь вскинула вверх бровь. Пальцы слегка задрожали, но она постаралась ответить совершенно спокойным голосом:

– Нет, не я. Соглашусь, история неприятная, но это случается сплошь и рядом, – она мило улыбнулась. – Поверь мне, как бывшему работнику психиатрического отделения. За последние полгода как минимум две девочки умерли по непонятным причинам.

Женя доверчиво закивала в ответ.

Рита сидела за широким столом в просторной светлой аудитории и ждала начала своего первого занятия, где ей придется выступать в роли главного действующего лица. Она уже несколько минут никак не могла настроиться на рабочий лад. Рита то и дело кусала губы и глухо вздыхала. Она сама не ожидала от себя такого противного и предательского волнения.

Подготовиться к лекции было несложно. Первая пара относилась к курсу «Личностные расстройства». Судя по списку групп, на занятия должны были прийти студенты-магистры первого года обучения. Рита прикинула в голове, что им должно быть где-то по двадцать одному году. И ее пугал именно возраст в первую очередь. Все-таки первокурсников проще обмануть, если где-то вскроются пробелы в знаниях. Кое-какой материал для лекции Рита нашла в своих старых тетрадках, оставшихся еще со времен студенчества, что-то отсканировала из авторитетных учебников и тяжеловесных трудов отдельных исследователей и еще пару страниц просто скачала из Интернета.

За пять минут до начала занятия дверь аудитории раскрылась, и зашли первые студенты. Рита на нервах плотно сжала губы и кивнула им в знак приветствия. Пара девушек и молодой человек заняли свои места и достали тетрадки с ручками. Через две минуты аудитория вмещала около сорока разномастных студентов и киловатты их непрекращающегося шепота. Рита демонстративно кашлянула, и студенты мигом замолчали, взорвавшись на преподавателя.

– Добрый день, – начала Рита, и щеки ее тут же вспыхнули, – меня зовут Маргарита Алексеевна Стронгина. Я ассистент кафедры клинической психологии. Ситуация сложилась таким образом, что теперь я буду начитывать вам курс «Личностные расстройства»...

Вверх тут же взметнулась рука.

– Да, пожалуйста, – Рита, немного удивившись, кивнула темноволосому симпатичному пареньку в синем свитере.

– Извините, Маргарита Александровна, а куда делась Юлия Алексеевна? С ней было так интересно.

Фразу «с ней было так интересно» он произнес с какой-то особой насмешливой интонацией. Несколько человек захихикали, но Рита не удостоила их даже коротким взглядом. Слегка облокотившись на стол, она ласково спросила:

– Ну, я очень постараюсь, чтобы со мной тоже было интересно.

– А если у вас не получится? – никак не мог угомониться студент.

– Извините, как ваше имя?

– Вячеслав Морозов.

Рита могла поспорить, что после этих слов парень подмигнул ей. Она с улыбкой ответила:

– Угревая сыпь в подростковом возрасте, о чем свидетельствует рябь на вашем прекрасном лице, старательно замазанная, боже мой, тоналкой?! Обкусанный карандаш, который вы держите в руке... Да еще и нервный тик, а я очень надеюсь, что я видела именно нервный тик,

а не образец мужской наглости. У вас уже куча отклонений, Вячеслав, это так здорово! – Рита выпрямилась. – Мы с вами подружимся. Вы можете стать замечательным примером преодоления себя и своих недостатков, – по аудитории прокатился одобрительный смех. Ласковые интонации Риты резко сменились суровостью. – А если вы еще раз позволите себе разговаривать со мной в подобном духе, я обещаю, нет, даже гарантирую вам героическое преодоление неуспеваемости по моему предмету.

Парень покраснел и через силу усмехнулся.

– Простите, Маргарита Александровна. Я больше так не буду.

– Я рада, что мы друг друга поняли, – тон Риты стал мягче. – Итак, записываем сегодняшнюю тему...

После занятия, пока студенты собирали вещи и выходили из аудитории, Слава подбежал к кафедре. Рита вытирала доску жесткой, замелованной тряпкой, но заметила его.

– Хотите мне что-то сказать, Вячеслав? – она даже не повернулась к нему.

– Да, – парень нетерпеливо потоптался, но так и не дождался, чтобы на него посмотрели, – я хотел еще раз извиниться. На самом деле я не плохой и не заносчивый, просто бывает иногда... Простите меня еще раз, пожалуйста.

Рита положила тряпку на специальную подставку и стряхнула мел с рук.

– Прощаю еще раз, – она едва заметно улыбнулась парню. – Все нормально, Вячеслав, я не сильно злопамятна.

Парень картинно вздохнул с облегчением и, попрощавшись, выбежал из аудитории. Пара-тройка студентов все еще копались со своими рюкзаками, запихивая в них тетради. Рита обратила внимание на то, что высокий, широкоплечий парень в очках смотрит на нее украдкой, зашнуровывая рюкзак. Она отвела взгляд и села за стол, чтобы собрать записи с лекциями. Когда парень проходил мимо, они на секунду одновременно посмотрели друг на друга. Ничего особенного, но Рита все равно почувствовала себя неловко.

В целом, первая лекция в качестве преподавателя ей понравилась. Студенты за отдельным исключением отнеслись с пониманием к ее дебюту, и Рита почти не слышала смешков, когда время от времени забывала, что хотела сказать, отчаянно краснела и копалась в своих бумажках. Объективно оценив степень своего смущения перед магистрами, Рита искренне обрадовалась тому, что ведет она всего три пары в неделю, включая семинары по пятницам, на которых придется более тесно общаться с молодой и отчасти нагловатой публикой.

После занятия она отправилась в аудиторию, где располагалась кафедра клинической психологии, чтобы познакомиться с другими ее преподавателями. Рита очень удивилась, обнаружив, что в состав кафедры входят лишь заведующая, доцент, два старших преподавателя и ассистент, которым она сама и являлась. Новую заведующую звали Софья Юрьевна. Это была грузная женщина с низким голосом и черными глазами. В тот момент, когда Рита вошла в аудиторию, заведующая с кем-то говорила по телефону. Профессор Мосеева поприветствовала Риту кивком и показала, что она может сесть. Рита присела на один из свободных стульев. Профессор говорила в трубку о каком-то собрании, которое необходимо провести до двадцатых чисел, иначе оно перестанет иметь смысл.

– Подождите минуточку, – она оторвалась от телефона и прикрыла его ладонью. – Здравствуйте. Вы, должно быть, наш новый ассистент.

– Да, я Маргарита Стронгина.

– Очень приятно! Доктор психологических наук, заведующая кафедрой клинической психологии, профессор Софья Юрьевна Мосеева, – представилась в свою очередь заведующая. – Дорогая, я сейчас немного занята, извините. Думаю, все самое главное вам уже рассказал наш многоуважаемый декан. Со своей стороны добавлю, что, ввиду моей большой загруженности, мы на кафедре не проводим слишком частых заседаний. Поэтому преподавательская работа у нас почти полностью самостоятельная. Единственное, о чем я вас попрошу,

так это предоставить мне учебный план курсов к концу недели. Я его, конечно, утвержу, и на этом бюрократия закончится. Да и еще по итогам семестра необходимо будет предоставить мне отчет о проделанной работе. Теперь все. Добро пожаловать, – профессор улыбнулась Рите и вернулась к телефонному разговору.

Подобное положение вещей устраивало Риту в наибольшей степени. Она тихо попрощалась с заведующей и отправилась к себе в общежитие.

В дверь настойчиво стучали, и Рите пришлось оставить в покое коробки с барахлом, которое она хотела без особой потери времени раскидать по полкам комнаты. На пороге стояла Женя. Широко улыбаясь, она бесцеремонно и весело скомандовала:

– Наряжайся! Мы все идем отмечать твой первый рабочий день!

Рита показательно зевнула и стала поглаживать левый рукав вытянутой домашней кофты, всем видом показывая, как ей не хочется переодеваться и куда-то идти.

– Кто это «мы все»? – грустно спросила она.

– Я и парочка хороших преподавателей академии!

Голубые глаза Жени странно блеснули, и лицо разругалось. Рита поняла, что девушка уже успела принять на грудь, и поэтому объяснить ей желание остаться в своей комнате и заниматься скучными вещами в ущерб пьяной гулянке с незнакомыми людьми было равносильно разъяснению правил китайской грамматики.

– Пять минут, чтобы привела себя в порядок, и сразу спускайся. Встречаемся на крыльце общаги. Да, и надень что-нибудь привлекающее взгляд – в нашей компании есть мужчины.

– Я никуда не пойду. У меня дела, – резко и строго ответила Рита.

– От меня так просто не отделаешься, – всплеснула руками и засмеялась Женя, чем еще больше взбесила Риту.

– Женя, мне нужно поработать, извини.

– Если ты откажешь мне сейчас, обещаю, что буду приходить к тебе в гости каждый день.

Аргумент был сильным. Рита оценила серьезность угрозы и поняла, что ей лучше сдаться.

– Хорошо, я пойду, но в остальные дни этой недели я точно буду плотно работать.

– Конечно-конечно! Ждем тебя внизу.

В развивающемся шарфе и легком сарафане до пола под шерстяным пальто Женя тут же ушла, звеня металлическими браслетами на левой руке. Рита проводила ее злым взглядом.

«Вот только мужчин в компании мне не хватало...», – с раздражением думала Рита, пока искала в гардеробе что-нибудь попроще и посдержанней. Никаких мужчин она вообще видеть не хотела. Последнее ее плотное общение случилось на международной конференции в Израиле. Тогда после банкета какой-то пьяненький врач из Германии напоил ее до беспометства и затащил к себе в гостиничный номер. С тех пор, Рита больше всего ненавидела две вещи – мужчин и мужчин-немцев.

На крыльце общежития ее ожидали аж пятеро человек: двое мужчин и три женщины, в том числе звонко смеющаяся Женя. Один из спутников, лет за сорок, в опрятном сером пальто отдал Рите поклон и галантно поцеловал руку, которую, к своему сожалению, она не успела отдернуть.

– Николай, очень приятно познакомиться.

– О, мне тоже очень приятно, – Рита шутливо присела в реверансе. – Маргарита, кафедра клинической психологии, а вы?

– Кафедра лингвистики.

«Кафедра лингвистики» имел приятную наружность, черные усы и аккуратную модную укладку волос. Рядом с ним стоял преподаватель химии по имени Александр, лет тридцати в спортивной куртке, джинсах и бейсболке с укороченным, судя по отдельно торчащим нитям, собственноручно, козырьком. Александр слегка поклонился в знак приветствия и промолчал.

Женя представила еще одного химика – Марию, чрезвычайно маленькую и худую девушку непонятного возраста, с нервными чертами лица и идеально уложенным каре, и преподавателя с кафедры физического воспитания – Нину, девицу с копной темных вьющихся волос и пронзительными темно-кариими глазами.

– Мы решили пойти в «Универ», – звонко возвестила Женя, обращаясь к Рите. – По понедельникам там тихо и нешумно. Никто ведь не против?

Все согласились и не спеша пошли по узкой аллейке студенческого городка к большому проспекту. Николай отстал от остальных и пошел рядом с Ритой.

– Чем вы раньше занимались до того, как прибыли в нашу скромную обитель? – тихо спросил он.

– Врачевала в местной больнице, в психиатрическом отделении.

– О, самый настоящий, практикующий доктор – это очень интересно, – причмокнул Николай. – Психиатрическое отделение... Вы, наверняка, сразу можете отличить душевнобольного от здорового человека.

– Еще бы!

– И сразу можете сказать, кто в данный момент перед вами?

– Конечно.

– Ну и кто же я, например? – Лукаво спросил Николай. Они шли нога в ногу, что немного коробило Риту. С первых минут знакомства она не хотела иметь ничего общего с коллегами – ни с этим, ни с остальными.

– Не упадите, Николай, пожалуйста, смотрите на дорогу, а не на меня. Про ваш диагноз я вам как-нибудь в другой раз расскажу, в более подходящем для этого месте.

Рита вдруг поняла, что это очень похоже на флирт с ее стороны, и немного пожалела, что не получилось сказать иначе.

В «Универе» в этот день было очень тихо и уютно: приглушенный свет и тройка официантов, которые обслуживали заблудившиеся в весеннем вечере парочки. Компания преподавателей заняла большой угловой столик. Каждый заказал по коктейлю. Чтобы не заглушать тихую, льющуюся неоткуда музыку, они не сговариваясь стали говорить полусшепотом. Сначала все поприветствовали Риту, вежливо поинтересовались, где она раньше работала, и пожелали удачи в ее преподавании. Потом щедро полились разговоры о руководстве академии, деканах разных факультетов, истории с кафедр и, конечно, обсуждения курьезов с участием студентов. Александр громче всех заявлял о бездарности практически всех его студентов, чем изрядно надоел всем остальным и в том числе Рите, уставшей от его глупых фраз. В конце концов, женская половина компании постепенно усмирила «химию». Мария стала развлекать собравшуюся компанию шутками, подсмотренными в разных развлекательных передачах, и все понемногу окончательно расслабились. Рита под действием нескольких ромовых пино-колад тоже активно включилась в общую беседу, чего сама от себя не ожидала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.